

Когнітивно-еволюційні дослідження мови

УДК 81'1: 811.161.1

DOI: 10.26565/2227-1864-2019-83-19

Конструкция *У кого есть кто/что* как эргативный рудимент русской грамматики: когнитивно-эволюционная интерпретация семантики

С. Л. Попов

*доктор филологических наук, профессор факультета русского языка,
Институт интернациональных исследований
Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу, Китай);
e-mail: s.leon.popov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3257-6245>*

Статья посвящена когнитивно-эволюционной трактовке семантических особенностей конструкции *У кого есть кто/что*. Понятийной основой когнитивно-эволюционного лингвистического направления является признание существования когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность языка», где восприятие может быть: 1) абсолютно правополушарным синкретичным: целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, в принципе категоризировать познаваемое; 2) в значительной мере правополушарным поверхностным: ориентирующимся на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, категоризация по которым обычно бывает ошибочной; 3) левополушарным альтернативным, то есть ориентирующимся на все наличествующие в зоне восприятия признаки, благодаря чему из них может быть осознанно выбран необходимый для корректной категоризации признаков. В статье доказывается, что русская конструкция *У кого есть кто/что* является эргативным рудиментом, характеризующимся двумя синкретичными падежами эргативного строя: эргативным (а не родительным) и абсолютным (а не именительным). Поэтому ни традиционная формальная, ни семантико-синтаксическая трактовка этой порожденной синкретизмом восприятия конструкции не может быть признана абсолютно корректной. Традиционная формальная трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически в ней *у кого* – квази-, но субъект (а не объект), а *кто/что* – квази-, но объект (а не субъект). Семантико-синтаксическая трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически выраженный в ней формой косвенного падежа субъект неактивен и несамостоятелен, а объект имеет падежную форму субъекта, в силу чего субъект эргативной конструкции по признакам активности и самостоятельности диаметрально противоположен субъекту номинативной конструкции, что вынуждает признать безысходную условность перевода русской эргативной конструкции на другие языки номинативного строя свойственной им номинативной конструкцией и перевода обратного. Признается дидактически полезным при презентации этой конструкции в учебниках и грамматиках отмечать ее неактивносубъектную эргативную рудиментарность и, как следствие, условность падежных форм ее актантов.

Ключевые слова: эргативный строй, номинативный строй, падеж, субъект, объект, когнитивно-эволюционный подход, синкретизм

Попов С. Л. Конструкція *У кого есть кто/что* як ергативний рудимент російської граматики: когнітивно-еволюційна інтерпретація семантики

Статтю присвячено когнітивно-еволюційному трактуванню семантичних особливостей конструкції *У кого есть кто/что*. Поняттєвою основою когнітивно-еволюційного лінгвістичного напрямку є визнання існування когнітивно-еволюційного алгоритму «сприйняття → логічність мислення → логічність мови», де сприйняття може бути: 1) абсолютно правополушарним синкретичним: цілісним, таким, що не дозволяє диференціювати ознаки і, отже, взагалі категоризувати те, що пізнається; 2) у значній мірі правополушарним поверхневим: таким, що орієнтується на найближчі, найбільш помітні, «такі, що лежать на поверхні», ознаки, категоризація за якими зазвичай буває помилковою; 3) лівополушарним альтернативним, тобто таким, що орієнтується на усі наявні у зоні сприйняття ознаки, завдяки чому з них може бути свідомо обрано необхідну для коректної категоризації ознаку. У статті доводиться, що російська конструкція *У кого есть кто/что* є ергативним рудиментом, що характеризується двома синкретичними відмінками ергативного ладу: ергативним (а не родовим) та абсолютним (а не називним). Тому ані традиційне формальне, ані семантико-синтаксичне трактування цієї породженої синкретизмом сприйняття конструкції не може бути визнано абсолютно коректним. Традиційне формальне трактування цієї конструкції не враховує, що семантично в ній *у кого* – квазі-, але суб'єкт (а не об'єкт), а *кто/что* – квазі-, але об'єкт (а не суб'єкт). Семантико-синтаксичне трактування цієї конструкції не враховує, що семантично виражений в ній формою непрямого відмінку суб'єкт є неактивним і несамостійним, а об'єкт має відмінкову форму суб'єкта, в силу чого суб'єкт ергативної конструкції за ознаками активності та самостійності є диаметрально протилежним суб'єкту номінативної конструкції, що примушує визнати безвідну умовність перекладу російської ергативної конструкції на інші мови номінативного ладу притаманною їм номінативною конструкцією і перекладу зворотнього. Визнається дидактично корисним під час презентації цієї конструкції у підручниках і граматиках відзначити її неактивносуб'єктну ергативну рудиментарність та, як наслідок, умовність відмінкових форм її актантів.

Ключові слова: ергативний лад, номінативний лад, відмінок, суб'єкт, об'єкт, когнітивно-еволюційний підхід, синкретизм

Popov Sergei. Construction *У кого есть кто/что* as an ergative remnant of Russian grammar: cognitive evolutionary interpretation of semantics

The article is devoted to the cognitive-evolutionary interpretation of the semantic features of the construction *У кого есть кто/что*. The conceptual basis of the cognitive-evolutionary school of linguistics is the recognition of the existence of the cognitive-evolutionary algorithm "perception → logical thinking → logical language", where perception can be: 1) absolutely right-hemispheric and syncretic: holistic, not allowing to differentiate features and, therefore, to categorize cognoscible; 2) right-hemispheric to a great extent and superficial, focusing on the proximate, most noticeable, "plain to see" features, categorization by which is usually erroneous; 3) left-hemispheric or alternative, that is, focusing on all the features that are present in the perception zone, so that the feature necessary for correct categorization can be consciously selected from them. The article proves that the Russian construction *У кого есть кто/что* is an ergative remnant, characterized by two syncretic cases of the ergative system: ergative (and not genitive) and absolute (and not nominative). Therefore, neither the traditional formal nor the semantic-syntactic interpretation of this perception of the construction generated by syncretism can be recognized as absolutely correct. The traditional formal interpretation of this construction does not take into account that semantically *who has* is a quasi-subject (not object), and *who / what* is a quasi-object (not subject). The semantic-syntactic interpretation of this construction does not take into account that the subject semantically expressed in it by the form of indirect case is inactive and dependent; the object has the case form of the subject, and because of that the subject of the ergative construction is directly opposite to the subject of the nominative construction in terms of activity and independence. Thus, it is important to recognize the hopeless formality of translating this Russian possessive construction into other nominative languages with their own nominative constructions and the reverse translation. It is considered didactically useful to note its inactively subjective ergative rudimentary nature and, as a consequence, the formality of the case forms of its actants, when presenting this construction in textbooks and grammar books.

Keywords: ergative system, nominative system, case, subject, object, cognitive evolutionary approach, syncretism

Конструкция *У кого есть кто/что* (мы называем ее конструкцией в расширительном понимании, сознавая, что в нее включены две конструкции, поскольку хотим подчеркнуть конструктивный аспект таких предложений) является отличительной особенностью русской грамматики и широко известной ее трудностью для изучающих русский язык иностранцев, владеющих, например, германскими или романскими языками. Синтаксические трактовки данной конструкции диаметрально противоположны и до сих пор являются источником разногласий между представителями традиционного, формального, и семантического направлений синтаксиса. Между тем имеются достаточные, на наш взгляд, основания сомневаться в корректности обоих этих подходов к трактовке данной конструкции.

Традиционный синтаксис, в том числе школьный, рассматривает части этой конструкции – далее для простоты и наглядности используем конструкцию *У меня есть дом* – как подлежащее *дом*, сказуемое *есть* и косвенное дополнение *у меня*. Семантический синтаксис трактует эти конструкции прямо противоположно: в 1973 году Г. А. Золотова, по всей видимости ориентируясь на переводную, традиционно признаваемую эквивалентной, соотносительность конструкции *У меня есть дом* с англ. *I have the house* или фр. *J'ai la maison*, а возможно и с польск. *Mam dom* или укр. *Маю будинок*, где наблюдаются эквиваленты практически не употребляемой в русском языке номинативной конструкции *Я имею* с характерной для нее активной субъектностью обладания, предложила считать в таких конструкциях *у меня* «поссесивным субъектом» в родительном падеже, а *дом* – связанным с *у меня* поссесивными отношениями «объектом» в именительном падеже [7, с. 108; 8, с. 109]. Вполне понятно, что традиционно ориентированным синтаксистам, привыкшим к тому, что субъект всегда выражен

именительным падежом, а объект – винительным или каким-то косвенным падежом, необыкновенно трудно соглашаться с тем, что субъект выражается формой косвенного падежа, да еще и с предлогом, а объект вопреки всему тому, на чем держится традиционный синтаксис, оказывается представленным формой именительного падежа. В то же время логика сторонников семантического синтаксиса тоже вполне понятна: любой ученый имеет право абстрагироваться от внешней формальной стороны во имя глубинной сущности и тем самым обеспечить себе возможность видеть глубже и дальше поверхностных формалистов к их существенному неудовольствию (достаточно вспомнить критику формалистами выделенной И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским лексической функции *Мам* (высокая степень проявления признака) за то, что она позволяет в некотором роде отождествить словосочетания *жгучий брюнет* и *спать без задних ног*). Тем не менее мы не склонны трактовать предложенное Г. А. Золотовой глубокое рассмотрение как уместное, поскольку сомневаемся в том, что *У меня есть дом* достаточно синонимично и как следствие эквивалентно англ. *I have the house*, фр. *J'ai la maison*, польск. *Mam dom* и укр. *Маю будинок*.

Целью настоящей статьи является когнитивно-эволюционная интерпретация семантических особенностей конструкции *У кого есть кто/что* (на примере конструкции *У меня есть дом*).

Понятийной основой созданного и разрабатываемого нами когнитивно-эволюционного лингвистического направления является признание существования когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность языка», где восприятие может быть: 1) абсолютно правополушарным синкретичным: целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, в принципе категоризировать познаваемое; 2) в значительной мере правополушарным поверхностным: ориентирующимся на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, категоризация по которым часто бывает ошибочной; 3) левополушарным альтернативным,

то есть ориентирующимся на все наличествующие в зоне восприятия признаки, благодаря чему из них может быть осознанно выбран признак, необходимый для корректной категоризации [16, с. 5-105]. По нашему подтвержденному рядом исследований убеждению, когнитивно-эволюционный подход обладает значительной объяснительной силой, поскольку позволяет объяснять причины когнитивной эволюции как в онто- и филогенезе в целом, так и в глоттогенезе в частности. О важности объяснительности говорил еще Аристотель: «Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть, – это различное знание...» [3, с. 280]. Предполагающая вопросы типа «почему?» объяснительность является главным требованием лингвистического антропоцентризма вообще и когнитивной лингвистики в частности и в лингвистических исследованиях гармонично дополняет предполагающие вопросы типа «как?» требования структурализма [9, с. 25; 1]. Важно также признавать, что «семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур» [9, с. 24-25]. Когнитивно-эволюционный подход позволяет объяснительно интерпретировать семантику конструкции *У кого есть кто/что* (на примере конструкции *У меня есть дом*).

Поскольку *у меня есть* называют посессивной конструкцией, логично сознавать, где еще употребляется этот термин, чтобы понять его происхождение. Обратившись к сведениям сравнительного языкознания (что для каждого лингвиста, на чем бы он узко ни специализировался, является процедурой нелишней, ибо все познается в сравнении, в том числе в сфере лингвистики), нетрудно узнать, что этот термин появился не просто для обозначения связанных со значением генитива отношений обладания – он стал употребляться для обозначения такой синтаксической семантики, которая к генитиву не сводится, а именно для обозначения одного из значений эргативнопадежной конструкции, которая имеется в языках эргативного строя. Автор контенсиологической, то есть учитывающей выражение субъектно-объектных отношений, типологии языков, продолжатель дела работавшего в этом же направлении И. И. Мещанинова А. Г. Климов убедительно доказал эволюцию языковых строев по следующему алгоритму: нейтральный строй → классный строй → активный строй → эргативный строй → номинативный строй (с возможностью перехода «через строй», то есть минуя его, например перехода от строя активного к строю номинативному) [11]. Эргативный строй, приходящий на смену активному строю, на уровне синтаксиса характеризуется инкорпорированием и на всех языковых уровнях характеризуется

лишь различением активного и инактивного начал, имеет только два падежа: эргативный и абсолютный. Эргативная типология на глубинно-синтаксическом уровне – это такая типология, «в рамках которой субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного, а объект первого – так же, как субъект второго. ... Отсюда вытекает, что эргативная конструкция – это модель транзитивного предложения эргативной типологии, а абсолютная конструкция – это модель ее интранзитивного предложения» [10, с. 48]. Возможные морфологические показатели эргативного строя в глагольно-именной конструкции – эргативный и абсолютный падежи у каждого из имен и эргативный аффикс у глагола – сводятся к трем комбинациям этих показателей: 1) эргативный аффикс у глагола; 2) эргативный аффикс у глагола и эргативный и абсолютный падежи у каждого из имен; 3) эргативный и абсолютный падежи у каждого из имен. Наиболее распространенная в языках комбинация этих показателей – вторая, смешанная [10, с. 42-44].

И. И. Мещанинов в свое время стремился показать все значения эргативного падежа: ассоциируемый с родительным падежом поссессив, ассоциируемый с дательным падежом аффектив и ассоциируемый с предложным падежом локатив [14]. Говоря о поссессивных конструкциях, И. И. Мещанинов называет обозначающий субъекта эргативный падеж «родительным-относительным», а обозначающий прямой объект абсолютный падеж – именно «абсолютным» (этот же абсолютный падеж может иметь и значение именительного падежа в интранзитивной конструкции – об этом сказано выше, но для проблематики настоящей статьи эта информация несущественна). Поссессивность, по И. И. Мещанинову, представляет собой наиболее архаичную, лишь очень условно глагольную постинкорпоративность, например *взятие мое*, то есть «взятие, от меня исходящее», вместо *я беру* [13, с. 127-131]. Рассматривая эскимосский пример *агнам-м тагихаа-а мыкылгихак*, И. И. Мещанинов дает его перевод как «женщина ведет-она-его мальчика», где *агнам-м* ‘женщина’ употребляется в родительно-относительном падеже как разновидности эргативного, а *мыкылгихак* ‘мальчик’ – в абсолютном падеже со значением объектного винительного [14, с. 47-48, 55]. Показателями «она-его» ученый передает значение глагольного суффикса. Но в целом этот перевод в попытке его оосовременить следует признать весьма условным. Пользуясь возможностями современного, равно как и древнего, русского языка, более-менее адекватно передать грамматику эргативной и абсолютной конструкций невозможно, поскольку и в древнем русском, и в современном русском языках нет объединяющего значения родительного, дательного и предложного падежей падежа эргативного и объединяющего значения именительного и винительного падежей падежа абсолютного. При еще одной, возможно более продуманной, попытке

хоть как-то передать значения этого рассмотренного И. И. Мещаниновым примера можно попытаться дать следующий перевод данной конструкции: «у женщины ведение мальчика» (ср. с эквивалентностью современной частотной конструкции *У меня есть дом* и искусственно созданных нами, но всё же понятных *У меня наличие дома* и *У меня имение дома*), – ибо для адекватного понимания «порусски» связать действие с его выраженным эргативным как в том числе протородительным падежом субъектом можно только через отглагольное существительное. Попытка перевести эту эскимосскую конструкцию как «женщины ведение мальчика» привела бы к подчеркиванию не фиксируемой И. И. Мещаниновым семантики посессивности, а к свойственной современному генитиву семантике принадлежности, что не вполне одно и то же. Нетрудно убедиться в том, что в этих структурно идентичных непроцессуально глагольной конструкции *У меня есть дом* и не отличающейся номинативной глагольностью конструкции *агнам-м тагихаа-а мыкылгихак* ни о какой активности и самостоятельности субъекта действия или состояния речь идти не может. В первой из них *дом есть* у субъекта по не зависящей от него причине, а во второй не женщина управляет действием, а действие управляет ею. И здесь очень важным является понимание того, что неактивность и несамостоятельность субъекта проявляется именно в транзитивных предложениях: когда речь заходит о прямом управлении объектом, о его, как обоснованно считает М. Н. Эпштейн, в той или иной мере преобразовании [21], субъект всегда оказывается не у дел, от которых он отстраняется, словно избегая ответственности за преобразование объекта; в интранзитивном же предложении (см. выше) выраженный формой абсолютного падежа субъект имеет значение именительного падежа, то есть является активным и самостоятельным.

Применение к конструкции *агнам-м тагихаа-а мыкылгихак* показанной выше схемы степеней восприятия, которой оперирует когнитивно-эволюционный подход, позволяет понять, что, во-первых, если в значении одного падежа сочетаются значения нескольких падежей, то это падежный синкретизм, при котором, как известно, составляющие не воспринимаются, а во-вторых (что гораздо важнее), вычленимые в семантике эргативного и абсолютного падежей падежи более частные – и, конечно, не приходится удивляться тому, что это падежи, свойственные языкам номинативного строя, – видны носителям именно номинативных языков, но никак не носителям языков эргативного строя. Эти два вывода подтверждаются показательными высказываниями об эргативном строе И. И. Мещанинова и А. Г. Климова.

Вот что пишет И. И. Мещанинов о синтаксических особенностях эргативного строя: «представление о субъекте, как действующем лице, отражает в первую очередь восприятие человеком окружающей чувственной среды и своего действия, направленного на изменение природы. ... По изменения природы, являющейся реальным объектом человеческой деятельности, получают встречное истолкование в сохраняющемся еще неприступном ее для человека состоянии в ее же восприятии как всемогущей, неприступной силы. Тем самым объект становится субъектом. Не зная еще законов природы, используемых человечеством для достижения определенных результатов его трудовой деятельности, мышление общественного коллектива ставит само человеческое общество в подчиненное природе положение, и в результате получается осмысление еще не постигнутых сил природы как действующих самостоятельно от воздействующего на них человека, еще не осознанного в этом его значении. Вырабатывается тем самым ирреальное, мифологическое представление о действующем лице, каковое и можно было бы назвать «мифологическим субъектом» в отличие от «логического субъекта» норм уже нашего мышления [12, с. 35]. «Субъект в этом строе предложения не действует. Ему не принадлежит действие и не через него оно совершается. Наоборот, субъект воспринимает на себя действие, совершаемое независимо от него. Он ощущает на себе результаты того, что происходит вне его активной воли» [13, с. 177]. Как можно убедиться, это качественное, классическое описание перцептивного синкретизма, предпринятое в первой половине XX века не профессиональным этническим психологом, а, несомненно, прозорливым, отличающимся высокообразованным интеллектом ученым.

А. Г. Климов в свою очередь, будучи ученым второй половины XX века, прямо пишет о том, что в эргативном строе нет падежей помимо эргативного и абсолютного, в значения которых входят значения падежей номинативного строя [11, с. 108-109]. Падежная система эргативного строя – на фоне падежной системы номинативного строя – выглядит состоящей из двух, естественно туманных, падежных синкретов. А. Г. Климов критикует лингвистов, называющих инструменталисом эргативный падеж, в рамках которого семантика инструменталиса «органически слита с семантикой субъекта переходного действия». Не приемля «известное обобщение Ч. Филмора», в котором утверждается идентичность генитива и эргатива в эргативных языках, А. Г. Климов предлагает более точную формулировку: «следовало скорее говорить о выполнении эргативом функций генитива номинативной системы» [11, с. 47-49]. Несложно заметить, что аргументация А. Г. Климова основывается на признании синкретизма эргативного падежа, в котором субъектно-объектные отношения не столь ясны, как в языках номинативного строя: индоевропейских, уральских,

тюркських, монгольських, тунгусо-маньчжурських, дравидійських, сино-тибетських, японском, корейском и некоторых других.

В. М. Алпатов піднімає «вопрос, окончательно не разрешенный в современной лингвистике: является ли, например, различие номинативного и эргативного строя чисто формальным, или же здесь присутствуют различия в семантике или даже различия в языковом представлении о мире (признание последней точки зрения вовсе не обязательно означает принятие стадильности: разные языковые картины мира могут рассматриваться и как равноправные). Ученые, развивавшие в отечественной науке традиции И. И. Мещанинова, как и (не вполне четко и последовательно) он сам, исходят из тесной связи такого рода различий в строе с семантикой. Однако такая точка зрения остается дискуссионной» [2, с. 264]. Осторожность, в том числе оговорчивость, данного комментария позволяет осознать уровень накала эмоций, сопровождающих противостояние лингвистов – эволюционистов и антиэволюционистов, о котором с горечью пишет Президент Международного общества происхождения языка Бернар Бичакджан: «гуманитарии не любят эволюции. Говорить об эволюции в лингвистике неполиткорректно. В биологии вполне корректно и полностью приемлемо говорить, что приобретение постоянной температуры тела было большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества теплокровности перевешивают выгоды предшествующего состояния холоднокровности. Но если в лингвистике кто-то скажет, что переход от эргативности к номинативности является большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества номинативного синтаксиса перевешивают выгоды эргативной модели, на него немедленно набросятся, и набросятся с полной уверенностью в своей правоте» [4, с. 61].

М. Н. Эпштейн, говоря о плохо развитой, а часто и утраченной переходности русских глаголов, пишет и об интересующей нас конструкции: «Категория переходности связана также с развитием отношений собственности. Известно, что в европейских языках эти отношения выражаются переходной конструкцией: “я имею дом”; в русском – непереходной: “у меня есть дом”. Эта архаическая конструкция сохранилась в русском языке с индоевропейских времен в силу неразвитости имущественных отношений как в общественном бытии, так и в языке и сознании. Получается, что *субъектом* имущественного отношения выступает сам предмет, дом (он “есть”), а тот, кто им владеет, обозначается как косвенное дополнение (“у меня”))» [21]. Очевидно, что М. Н. Эпштейн пытается искать

причину посесивности в глубине истории, в частности в исторической неразвитости у русских имущественных отношений, однако, как мы показали выше, эта неразвитость уходит корнями в описанный И. И. Мещаниновым эргативный синкретизм, который может быть выражен воображаемым нами признанием человека, характеризующегося синкретизмом восприятия: то, что у меня нет собственности, зависит не от меня, а от обстоятельств, которыми я скован и изменить которые я не в силах.

С указанным описанием И. И. Мещанинова коррелируют такие зафиксированные А. Вежицкой особенности современного русского менталитета, как «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания», «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена», «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности», «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [5, с. 34].

Неактивность и несамостоятельность субъекта в рассматриваемой нами эргативной конструкции семантически сближает ее с конструкциями безличными, в которых созвучное описанию И. И. Мещанинова отсутствие активного субъекта не раз отмечалось лингвистами: А. Н. Гвоздевым («неосознанность, непроизвольность, безотчетность») [6, с. 208], Е. С. Скобликовой («результат действий неопределенной совокупности стихийных сил» [18, с. 115], В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимовым («действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс») [19, с. 101], М. А. Шелякиным («неосознанность, неизвестность, стихийность») [20, с. 114], А. В. Петровым («неактивность субъекта») [15, с. 58-59]. О современном состоянии активности субъекта в русском синтаксисе пишет Т. Б. Радбиль: «Иновационные тенденции в русской грамматике показывают значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особенно по отношению к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса» [17, с. 322]. Нет никакого сомнения в том, что семантически близкая к безличности эргативная конструкция *У кого есть кто/что* уже много столетий остается никак не менее частотной, чем конструкции безличные, и нет никаких свидетельств узуальной активизации ее номинативного коррелята *Я имею кого/что* (не считая узуальной активности в определенных социальных кругах стилистически сниженного, грубо вульгарного ответвления его семантики).

Как можно видеть, посесивная конструкция как семантическая, но вовсе не грамматическая разновидность грамматически синкретичного эргативного падежа представляет собой нечто

исключительно воображаемое лингвистами – носителями номинативных языков, неуловимо входящее в неперебиваемый на номинативный язык синкрет. В связи с этим необходимо ответить на два следующих из этого вывода вопроса. Первый вопрос: если конструкция *У меня есть дом* по происхождению посессивна в смысле принадлежности к эргативному строю, в котором имеются лишь неделимые эргативный и абсолютный падежи-синкреты, в значениях которых увидеть важные для нас сейчас генитив, номинатив и аккузатив способны только обладающие представлением по аналогии носители номинативных языков, то как в традиционном, формальном смысле у *меня* в рассматриваемой конструкции может считаться родительноподлежащим, а *дом* – именительноподлежащим? Ответ очевиден: с большой натяжкой, то есть с большой долей безысходной условности, поскольку они имеют лишь формы этих падежей, но не их значения, ведь с точки зрения семантики синтаксиса, как показала Г. А. Золотова, у *меня* – вроде как субъект, а *дом* – вроде как объект. Второй вопрос: если у *меня* – субъект, то активен и самостоятелен ли он так же, как субъект номинативной конструкции в форме именительного падежа, и если *дом* – объект, то почему у него форма номинатива? Из этого в свою очередь следует подвопрос: адекватен и системен ли перевод эргативной конструкции *У меня есть дом* такими номинативными конструкциями, как англ. *I have the house*, фр. *J'ai la maison*, польск. *Mam dom* и укр. *Маю будинок*? Ответ: нет, субъект эргативной конструкции в сравнении с субъектом номинативной конструкции не активен и не самостоятелен, что подтверждается когнитивно-эволюционной интерпретацией эргативного падежа как синкретичного и противоречащей субъектности формой косвенного падежа, а *дом*, который согласно своей падежной форме должен быть активным субъектом, противоречиво является объектом в именительном падеже, и этот перевод невозможно признать адекватным, поскольку хорошо описанную И. И. Мещаниновым

неактивность, несамостоятельность субъекта в эргативной русской конструкции некорректно передавать как активность, самостоятельность субъекта номинативной конструкции, и такой перевод невозможно признать системным, поскольку одна конструкция передается совершенно другой конструкцией, – это типичный функциональный перевод с большой долей безысходной, безальтернативной условности.

Таким образом, в статье доказано, что русская конструкция *У кого есть кто/что* является эргативным рудиментом, характеризующимся двумя синкретичными падежами эргативного строя: эргативным, совпадающим по форме с родительным, и абсолютным, совпадающим по форме с именительным. Поэтому ни традиционная формальная, ни семантико-синтаксическая трактовка этой порожденной синкретизмом восприятия конструкции не может быть признана абсолютно корректной. Традиционная формальная трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически в ней у *кого* – квази, но субъект, а *кто/что* – квази, но объект. Семантико-синтаксическая трактовка этой конструкции не учитывает, что семантически выраженный в ней формой косвенного падежа субъект неактивен и несамостоятелен, а объект имеет падежную форму субъекта, в силу чего субъект эргативной конструкции по признакам активности и самостоятельности диаметрально противоположен субъекту номинативной конструкции, что вынуждает признать безысходную условность перевода русской эргативной конструкции на другие языки номинативного строя свойственной им номинативной конструкцией и перевода обратного. Было бы полезно при презентации этой конструкции в учебниках и грамматиках честно отмечать ее неактивносубъектную эргативную рудиментарность и, как следствие, условность падежных форм ее актантов. Перспективой проведенного исследования следует признать возможность и необходимость аналогичной интерпретации конструкций типа *Мне нравится (кто/что)* (ср. англ. номинативное *I like*), которые тоже являются рудиментами эргативного строя, но в аффективной их разновидности.

Литература

1. Абаев В. И. Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 27–39.
2. Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
3. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. З. Н. Микеладзе. М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1978. С. 255–346.

4. Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41-58.
5. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. 336 с.
7. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
9. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
10. Климов А. Г. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. 264 с.
11. Климов А. Г. Принципы контенсивной типологии. М.: Наука, 1983. 224 с.
12. Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. М.: Соцэкгиз, 1936. 344 с.
13. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л.: Учпедгиз, ЛО, 1940. 260 с.
14. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л.: Наука, ЛО, 1967. 248 с.
15. Петров А. В. Семантика безличности // Филологические науки. 2009. № 1. С. 57-64.
16. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: монография. Харьков: НТМТ 2013. 150 с.
17. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.
18. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: учебное пособие. М.: Просвещение, 1979. 236 с.
19. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч. 3.: Синтаксис. Пунктуация: учебное пособие. М.: Просвещение, 1981. 271 с.: ил.
20. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
21. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html> (дата обращения: 17.07.2019.)

References

1. Abaev V. I. Parerga 2. YAzykoznanie opisatel'noe i ob'yasnitel'noe. O klassifikacii nauk // Voprosy yazykoznanija. 1986. № 2. S. 27–39.
2. Alpatov V. M. Istoriya lingvističeskix učenij: Učeb. posobie. 4-e izd., ispr. i dop. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 368 s.
3. Aristotel'. Vtoraya analitika // Aristotel'. Sočineniya v četyreh tomah. T. 2 / Pod red. Z. N. Mikeladze. M.: Izd-vo social'no-ekonomičeskoj literatury «Mysl'», 1978. S. 255–346.
4. Bichakdzhan B. Evolyuciya yazyka: demony, opasnosti i tshchatel'naya ocenka // Razumnoe povedenie i yazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proiskhozhdeniya yazyka / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2008. S. 41-58.
5. Vezhbickaya A. YAzyk. Kul'tura. Poznanie / Per. s angl.; otv. red. M. A. Krongauz; vstup. st. E. V. Paduchevoj. M.: Russkie slovari, 1996. 416 s.
6. Gvozdev A. N. Očerki po stilistike russkogo yazyka. M.: Izd-vo Akademii pedagogičeskix nauk RSFSR, 1952. 336 s.
7. Zolotova G. A. Očerki funkcional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. M.: Nauka, 1973. 351 s.
8. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnyx edinic russkogo sintaksisa. Izd. 3-e, stereotipnoe. M.: Editorial URSS, 2006. 440 s.
9. Kibrik A. E. Očerki po obščim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universal'noe, tipovoe i specifichnoe v yazyke). M.: Izd-vo MGU, 1992. 336 s.
10. Klimov A. G. Očerki obščej teorii ergativnosti. M.: Nauka, 1973. 264 s.
11. Klimov A. G. Principy kontensivnoj tipologii. M.: Nauka, 1983. 224 s.
12. Meshchaninov I. I. Novoe učenje o yazyke. Stadijal'naya tipologiya. M.: Socekgiz, 1936. 344 s.
13. Meshchaninov I. I. Obščee yazykoznanie. K probleme stadijal'nosti v razvitii slova i predložheniya. L.: Učpedgiz, LO, 1940. 260 s.
14. Meshchaninov I. I. Ergativnaya konstrukciya v yazykah različnyh tipov. L.: Nauka, LO, 1967. 248 s.
15. Petrov A. V. Semantika bezličnosti // Filologičeskie nauki. 2009. № 1. S. 57-64.
16. Popov S. L. Kognitivnye osnovaniya evolyucii form russkogo sintaksicheskogo soglasovaniya: Monografiya. Har'kov: NTMT 2013. 150 s.
17. Radbil' T. B. Osnovy izučeniya yazykovogo mentaliteta: učeb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2010. 328 s.
18. Skoblikova E. S. Sovremennij russkij yazyk. Sintaksis prostogo predložheniya: učebnoe posobie. M.: Prosveshchenie, 1979. 236 s.
19. Sovremennij russkij yazyk: V 3-h ch. CH. 3.: Sintaksis. Puntuaciya: Učebnoe posobie. M.: Prosveshchenie, 1981. 271 s.: il.

20. Shelyakin M. A. Funkcional'naya grammatika russkogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 2001. 288 s.

21. Epshtejn M. N. O tvorcheskom potenciale russkogo yazyka. Grammatika perekhodnosti i tranzitivnoe obshchestvo // Znaniya. 2007. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/znania/2007/3/ep18.html> (data obrashheniya: 17.07.2019.)

Попов Сергій Леонідович, доктор філологічних наук, професор факультету російської мови, Університет імені Сунь Ятсена (135, вул. Синган Сі, Гуанчжоу, 510275, Китай); e-mail: s.leon.popov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3257-6245>

Попов Сергей Леонидович, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка, Институт интернациональных исследований Университета имени Сунь Ятсена (135, ул. Синган Си, Гуанчжоу, 510275, Китай); e-mail: s.leon.popov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3257-6245>

Popov Sergei, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, School of International Studies, Sun Yat-sen University, (135, Xingang Xi Road, Haizhu District, Guangzhou, 510275, China); e-mail: s.leon.popov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3257-6245>